

УДК 659.1

К ПРОБЛЕМЕ БИОГРАФИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ В КРИТИКЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ**ABOUT PROBLEM OF BIOGRAPHICAL METHODOLOGY IN THE CRITICISM OF RUSSIAN EMIGRATION****В.А. Черкасов, М.М. Лукьянцева
V.A. Cherkasov, M.M. Lukyantseva**Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia

e-mail: cherkasov@bsu.edu.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается эволюция биографической методологии в русском литературоведении и критике 1920–1930-х годов на материале гончароведческого дискурса видных представителей дореволюционной критики и академической науки Ю.И. Айхенвальда и Е.А. Ляцкого, соответственно, а также начинающего зарубежного литературоведа И.Н. Голенищева-Кутузова (в будущем известного советского медиевиста). В результате исследования обнаруживаются антибиографические в своей основе имманентная и психоаналитическая тенденции в освещении жизни и творчества писателя

Abstract

In this article are discussed the methodological approaches in the study of personality by I.A. Goncharov in Russian literary studies and criticism of emigration. Y.I. Eichenwald, E.A. Lackij and I.N. Golenishchev-Kutuzov hold a fundamentally different position in relation to the biographical concept. So, along with continues to exist authoritative, methodologically impeccable cultural and historical and immanent conceptions of personality by I.A. Goncharov, any morphological and psychoanalytic trends in the coverage of the life and work of the writer.

Ключевые слова: биографическая методология, И.А. Гончаров, русское зарубежье, психоанализ, критика.

Keywords: biographical methodology, I.A. Goncharov, Russian emigration, psychoanalysis, criticism.

Введение

В литературоведческом дискурсе последних лет обсуждение целесообразности биографической методологии занимает не последнее место (7; 8; 18; 20; 21; 22). Особенно актуально вопрос соотношения жизни и творчества писателя поставлен в современном гончароведении (12; 17). В нашей работе мы намереваемся охарактеризовать основные методологические подходы в изучении личности И. А. Гончарова в литературоведении и критике русского зарубежья 1920-начала 1930-х гг., то есть как раз в тот период, когда вопрос об адекватности биографизма новым задачам, возникшим перед гончароведением в связи с обнаружением важных архивных документов, стоял особенно остро.

В русском дореволюционном литературоведении господствовала позитивистская установка на изучение биографии писателя, рассматриваемой в качестве основного средства для понимания его художественных произведений. При этом последние могли также рассматриваться в качестве источника сведений о биографической личности

писателя, или о его эмпирической индивидуальности. Однако к началу XX в. релевантная для биографического метода презумпция каузальности, существующая между художественными высказываниями писателя и теми или иными внелитературными рядами (социологическим, философским, психологическим, метафизическим и т. д.), которые прямо или косвенно связаны с биографической личностью того же писателя, была подвергнута критике со стороны представителей вновь образованных литературоведческих и литературно-критических течений и, вследствие этого, перестала существовать.

Методика

Сочетание проблемно-тематического метода с традиционным историко-литературным и источниковедческим методами анализа. Существенную роль играет также биографический принцип.

Результаты и их обсуждение

Для нашей темы первоочередное значение имеет очерк Ю.И. Айхенвальда «Гончаров», входящий в сборник его эссе «Силуэты русских писателей» (в. 1-3, 1906-1910). Эта книга стала актуальным литературным фактом благодаря выходу в свет в 1929 г. в берлинском издательстве «Слово» ее шестого (посмертного) издания. Свои взгляды на проблему соотношения биографии и творчества писателя Айхенвальд высказал в так называемом «Вступлении» к первому выпуску «Силуэтов...». Положительная программа критика во многом построена на принципе отталкивания от упомянутой выше позитивистской установки на изучение биографии писателя, рассматриваемой в качестве основного средства для понимания его художественных произведений. По его мнению, настоящая цель исследования – это духовная индивидуальность писателя, проявляющаяся на бессознательном уровне. Биографический подход с его сугубым интересом к фактам эмпирического порядка здесь оказывается нецелесообразен. Необходимые данные о «внутреннем человеке» писателя можно почерпнуть только из его произведений. Параллельные биографические факты приемлемы при условии их аналогии с литературной версией. В противном случае – они игнорируются, и художественное произведение остается единственным источником достоверной информации. При этом даже волевым усилием писатель не способен эту информацию скрыть. В этой связи критик утверждает: «... каждое создание искусства – не что иное, как автобиография его творца» [2, с. 23]. Важно отметить, что Айхенвальд – агностик в вопросе верифицируемости данных художественного произведения и, соответственно, – познаваемости духовной индивидуальности писателя. Всякая читательская рецепция неизбежно бывает субъективной. Однако, в отличие от «биографистов», стремившихся, в конечном счете, реконструировать «истинную» личность писателя, Айхенвальд акцентирует релевантность этого субъективизма в своем критическом дискурсе. Однако роль реципиента необычайно повышается: «*Писатель и читатель – понятия соотносительные. Один без другого действовать не может, и один другого определяет. Писателя создает читатель. Критик осуществляет потенцию автора*» [2, с. 26]. Таким образом, Айхенвальда, по-видимому, больше интересует не духовная индивидуальность писателя, понимаемая как объективная данность, а собственные субъективные представления об этой индивидуальности, полученные в процессе эмпатического «вживания» в ее внутренний мир.

Теоретические установки Айхенвальда были реализованы, в частности, в упомянутом очерке «Гончаров». В основе этого текста лежит статья критика «Несколько слов памяти Гончарова», написанная к десятилетней годовщине смерти писателя, то есть в 1901 г. [3]. В это время, когда в русском литературоведении представители культурно-исторической школы, для которой характерна установка на изучение биографии писателя,

занимали ключевые позиции, непреодолимым препятствием для изучения личности и творчества Гончарова казалось выраженное им в статье «Нарушение воли» (1889) запрещение публиковать его интимную переписку. В связи с данным обстоятельством особенно полемически в отношении «биографистов» культурно-исторической школы должен был прозвучать следующий исходный тезис статьи Айхенвальда: «... умственная и нравственная физиономия Гончарова достаточно ясно отразилась в его художественных творениях, и нам вовсе не нужна его переписка, для того чтобы знать, кто он» [3, с. 229]. Мало того, в стремлении доказать данный тезис критик отвергает опубликованные метатекстуальные произведения Гончарова, имеющие для позитивистского литературоведения статус последней истины, как нерелевантные для изучения его личности и творчества. «Для того чтобы понять и оценить Гончарова, – пишет йхенвальд, – мы должны вникнуть только в этот роман его и в остальные его литературные вещи; но бесполезна для нас та авторская исповедь, которую он написал по поводу *Обломова* и по поводу других своих произведений под заглавием “Лучше поздно, чем никогда”. Если нам не нужны письма Гончарова, то не нужен нам и тот надуманный комментарий, который он дал к собственному художественному тексту; мы имеем право не считаться с ним и, обойдя его, стать лицом к лицу с самим художником, тем более что и комментарии его далеко не всегда правильны» [3, с. 238].

Мощную традицию предшествующей русской критики, восходящей к В.Г. Белинскому, рассматривать романы Гончарова как *объективное* повествование, в котором не отражается личность писателя, Айхенвальд опровергает как противоречащую его исходному тезису посредством психологизирования эпически спокойного, бесстрастного стиля, который и послужил основным аргументом его противникам. «... эта кажущаяся объективность, – рассуждает критик, – заключается только в том, что он в свои романы перенес *свою* же покойную и созерцательную натуру, что он не отрешился от себя, когда живописал других людей, и даже заставил их говорить пластическим языком самого автора...» [3, с. 229].

И вот, убрав последние препоны, критик строит концепцию личности Гончарова, исходя из собственного импрессионистического восприятия романов писателя: «... его книги спокойны [...] судя по ним, внутренний мир его, которого он ничем и не старался заслонить, тих и созерцателен, сторонится огня и страсти, жизнь переносит легко и окрашивает ее в светлые и мирные цвета» [3]. Замечательно, что публикация таких документов, как письма Гончарова к М. М. и Л. И. Стасюлевичам (1912) и его автобиографическая повесть «Необыкновенная история» (1924), которые заставили критику заговорить о биографической личности писателя как о чрезвычайно нервной, болезненно мнительной и беспокойной, никак не отразилась на взглядах Айхенвальда, перепечатававшего, с несущественными вариациями, рассмотренную нами статью 1901 г. до конца своей жизни. На наш взгляд, такая последовательность критика объясняется его методологическими установками, исключавшими биографическую личность писателя из предметного поля аналитического дискурса.

Самым плодовитым из авторов, писавших об Гончарове в русском зарубежье, оказался Е. А. Ляцкий, приобретший известность своими трудами в данном историко-литературном направлении еще до революции. В 1920 г. ученый в третий раз переиздал свою книгу очерков о Гончарове (1-е изд. – 1904 г, 2-е изд. – 1912 г.) [9]. В 1922 г. он опубликовал очерк «Гончаров в кругосветном плавании» [10], а в 1925 – беллетризованную биографию писателя «Роман и жизнь. Развитие творческой личности И. А. Гончарова. Жизнь и быт. 1812 – 1857» [11].

В первом из упомянутых трудов Ляцкий сформулировал свой методологический подход в изучении личности и творчества Гончарова. Исходной посылкой его рассуждений являлись следующие показания писателя, сделанные в статье «Лучше поздно, чем никогда» (1879): «То, что не выросло и не созрело во мне самом, чего я не

видел, не наблюдал, чем не жил, – то недоступно моему перу! У меня есть (или была) своя нива, свой грунт, как есть своя родина, свой родной воздух, друзья и недруги, свой мир наблюдений, впечатлений и воспоминаний, – и я писал только то, что переживал, что мыслил, что любил, что близко видел и знал» [9, с. 59]. Отсюда Ляцкий сделал вывод, что Гончаров «один из наиболее субъективных писателей, для которого раскрытие своего “я” было важнее изображения самых животрепещущих и интересных моментов современной ему общественной жизни» [9, с. 58]. Поскольку предметом исследования Ляцкого являлась как раз личность Гончарова, взятая в ее духовно-нравственном аспекте, причем факты внешней биографии (соответственно, их источники, как то: письма, документы, воспоминания и т. д.) имели лишь вспомогательное значение [9, с. 59-60, 61], то этому предмету как нельзя лучше соответствовала продекларированная автобиографичность романного творчества писателя, ставшего для ученого основным источником его выводов и утверждений. Как пишет по этому поводу Ляцкий: «... та сторона, которую нам хотелось бы разъяснить в его творчестве, не нуждается [...] в самих этих письмах [...]. То, что является для нас исчерпывающим материалом в наших доказательствах и рассуждениях, открыто всем и каждому: это его сочинения, которые он лелеял в своей душе [...]. В них он оставил живой отпечаток своей личности, рассказал подробно до мелочей свою жизнь и то, “что к ней приростало”» [9, с. 60]. Как видно, последняя методологическая установка Ляцкого аналогична рассмотренной выше установке Айхенвальда. Ученый отдал должное своему предшественнику, опровергнувшему традиционное понимание Гончарова как *объективного* писателя: «Следуя своему, давно уже высказанному им в своих очерках взгляду, г. Айхенвальд отмечает то “глубокое недоразумение”, благодаря которому русская критика издавна прилагала к нему эпитет объективного» [9, с. 46]. Однако, в отличие от Айхенвальда, Ляцкий отнюдь не отрицал значимость документальной литературы для познания личности Гончарова. Он очень высоко оценивал биографические исследования А. Мазона и М. Ф. Суперанского, называя их «прочным фундаментом» [9, с. 52] своей собственной концепции. Для подтверждения выводов ученый постоянно сопоставляет заключающийся в документальных источниках фактический материал с созданиями поэтической фантазии в романах Гончарова. Словом, применяет для изучения личности и творчества писателя характерный для культурно-исторической школы биографический метод. И только когда сказывается недостаток архивных материалов, Ляцкий прибегает к «особому методу критической интуиции» [6, с. 446], психологизируя и мифологизируя фикциональный текст Гончарова и создавая, подобно Айхенвальду, образ «своего Гончарова». Как заметил А. Крайний по поводу эмпатической методики «вживания» Ляцкого во внутренний мир Гончарова: «... автор чрезмерно влюблен в своего героя. Благодаря этой влюбленности Ляцкий не всегда видит в ярко выпуклом образе Гончарова, им же самим нарисованного, то, что видим мы...» [1, с. 482]. Таким образом, упомянутый «метод критической интуиции», применяемый Ляцким наряду с традиционным биографическим методом, позволяет говорить о наличии в его литературоведческом подходе к изучению личности и творчества Гончарова антибиографической тенденции имманентного типа, а его методологию в целом характеризовать как синтезирующую, вобравшую в себя опыт и достижения разнообразных направлений литературоведческой мысли рубежа XIX-XX веков и, как таковую, весьма актуальную, или, по выражению чешских ученых Иво Поспишила и Милоша Зеленки, «вдохновляющую» [13] для современного гончароведения с его мощными традициями и не менее грандиозными перспективами будущих биографических исследований.

Принципиально иную позицию по отношению к биографической концепции Айхенвальда и Ляцкого занял И. Н. Голенищев-Кутузов как автор статьи «Два Гончарова» (1932), в которой первого отнес к числу «слишком благополучных биографов и комментаторов» жизни и творчества Гончарова, а гончароведческие труды второго

оценил как «не всегда способствующие лучшему пониманию духовного облика писателя столь двойственного и противоречивого» [6]. Название статьи Голенищева-Кутузова является прозрачной аллюзией на нашумевшую в эту время вересаевскую концепцию «двупланного Пушкина» и, в соответствии с этим значением, указывает на проводимую критиком антитезу двух «обликов» Гончарова, – созданного на основе его романного творчества и выявленного в результате публикации и изучения документальных источников. «Подлинным», по Голенищеву-Кутузову, является последний. В связи с этим биографические исследования А. Мазона и Л.С. Утевского прежде всего как автора книги «Жизнь Гончарова» (1931) заслуживают с его стороны самой высокой оценки. Его статья написана на основе данных, взятых из работы Утевского, с характерной для нее как принадлежащей к жанру монтажа установкой на фактографию, «академический критицизм» [15, с. 144] в отборе материалов, не препятствующий однако помещению документов, значимых с психоаналитической точки зрения, и, как следствие, исключение из круга биографических источников фикциональных произведений Гончарова. Генезис последнего приема восходит – через концепцию В. В. Вересаева – к антибиографическим декларациям ранних формалистов, о чем подробно мы говорили в другой работе [16]. Таким образом, рассматриваемая концепция Голенищева-Кутузова, с ее установкой на изучение литературной морфологии, то есть «реального бытия литературы [...], воздействующего на возникновение и генезис артефакта» [14], объективно примыкает к данной традиции биографических исследований. И критик в кругу эмиграции был не одинок в своем тотальном интересе к бытовому и психоаналитическому аспекту личности Гончарова. В этом же направлении работали, к примеру, рецензент пражской «Воли России» Н. Коптев, объяснявший противоречивое отношение Гончарова к И. С. Тургеневу «болезненными сторонами психики» [14] первого, или Н. Н. Берберова, допускавшая в своем толковании взаимоотношений Гончарова-цензора с Н. А. Некрасовым-редактором «Современника» применение житейского правила «to me – to you» («Как и все настоящие писатели и поэты, они были не только писателями – художниками, но и деятелями своего времени. Оба искали во враждебных лагерях “нужных людей”: Гончарову нужен был Некрасов, ибо за ним были либеральные читательские массы; Некрасову был нужен Гончаров, ибо он искал связей в цензуре» [4]).

Заключение

В целом, гончаровиана русского зарубежья 1920-начала 1930-х гг. представляет собой противоречивую картину теоретико-литературных исканий, направленных на разрешение актуальной проблемы дифференциации автора и героя. Наряду с продолжающими существовать авторитетными, методологически безупречными культурно-исторической и имманентной концепциями личности Гончарова, возникли морфологическая и психоаналитическая тенденции в освещении жизни и творчества писателя. При этом биографический метод оказался существенно трансформирован, однако не утратил до конца своего значения. Гончаровиана русского зарубежья дает замечательные образцы указанной трансформации и, как таковая, может и должна служить предметом изучения не только специалистов в области жизни и творчества Гончарова, но и историков русского литературоведения и критики.

Список литературы References

1. Айхенвальд, Ю.И. Гончаров. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://dugward.ru/library/goncharov/aihenv_goncharov.html, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
Ajhenva'l'd, YU.I. Goncharov. [EHlektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: http://dugward.ru/library/goncharov/aihenv_goncharov.html, svobodnyj. – Zagl. s ehkrana. – YAz. rus.

2. Айхенвальд, Ю.И. Силуэты русских писателей. – М.: Республика, 1994. – 602 с.
Ajhenval'd, YU.I. Siluety russkikh pisatelej. – M.: Respublika, 1994. – 602 s.
3. Альд, Ю. [Айхенвальд Ю.И.] 1901. Несколько слов памяти И. А. Гончарова // Русская мысль. – 1901. – № 9. – отд. II. – С. 229–240.
Al'd, YU. [Ajhenval'd YU.I.] 1901. Neskol'ko slov pamyati I. A. Goncharova // Russkaya mysl'. – 1901. – № 9. – otd. II. – S. 229–240.
4. Берберова, Н. Н. Гончаров и Некрасов // Возрождение. – 28. 06. 1928. (Псевд.: Ивелич).
Berberova, N. N. Goncharov i Nekrasov // Vozrozhdenie. – 28. 06. 1928. (Psevd.: Ivelich).
5. Голенищев-Кутузов, И.Н. Два Гончарова // Возрождение. – № 2466. – 03. 03. 1932. – С. Грачева, А.М., Матренина, М.М. Ляцкий Евгений Александрович. // Русские писатели 1800 – 1917: Биографический словарь. – М.: Научное издательство «Большая российская энциклопедия»; Научно-внедренческое предприятие Фианит, 1994. – С. 446.
Golenishchev-Kutuzov, I.N. Dva Goncharova // Vozrozhdenie. – № 2466. – 03. 03. 1932. – S. Gracheva, A.M., Matrenina, M.M. Lyackij Evgenij Aleksandrovich. // Russkie pisateli 1800 – 1917: Biograficheskij slovar'. – M.: Nauchnoe izdatel'stvo «Bol'shaya rossijskaya ehnciklopediya»; Nauchno-vnedrencheskoe predpriyatie Fianit, 1994. – S. 446.
6. Колесников, С.А., Черкасов, В.А. Тема служения поэта в житнетворческой модели Гумилева глазами Ходасевича // Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2012. – № 12 (131). – выпуск 14. – С. 44–56.
Kolesnikov, S.A., SCherkasov, V.A. Tema sluzheniya poehta v zhiznetvorcheskoj modeli Gumileva glazami Hodasevicha // Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya Gumanitarnye nauki. – 2012. – № 12 (131). – vypusk 14. – S. 44–56.
7. Колесников, С.А., Черкасов, В.А. Концепция личности А.А. Ахматовой в восприятии В.Ф. Ходасевича // Филологос. – 2012. – № 13(2). – С. 55–59.
Kolesnikov, S.A., SCherkasov, V.A. Konceptiya lichnosti A.A. Ahmatovoj v vospriyatii V.F. Hodasevicha // Filologos. – 2012. – № 13(2). – S. 55–59.
8. Крайний А. [Гиппиус З.Н.] Самое интересное // Гиппиус, З.Н. Мечты и кошмар (1920 – 1925). – СПб.: ООО «Издательство «Росток», 2002. – С. 482. (Впервые: Последние новости – № 1638 – 27. 08. 1925. – С. 2).
Krajnij A. [Gippius Z.N.] Samoe interesnoe // Gippius, Z.N. Mechty i koshmar (1920 – 1925). – SPb.: ООО «Izdatel'stvo «Rostok», 2002. – S. 482. (Vpervye: Poslednie novosti – № 1638 – 27. 08. 1925. – S. 2).
9. Ляцкий, Е.А. Гончаров. Жизнь, личность, творчество. Критико-биографические очерки. Изд. 3-е, с приложением повести И. А. Гончарова «Счастливая ошибка». – Стокгольм: «Северные огни», 1920. – 377 с.
Lyackij, E.A. Goncharov. Zhizn', lichnost', tvorchestvo. Kritiko-biograficheskie ocherki. Izd. 3-e, s prilozheniem povesti I. A. Goncharova «Schastlivaya oshibka». – Stokgol'm: «Severnye ogni», 1920. – 377 s.
10. Ляцкий, Е.А. Гончаров в кругосветном плавании. (Историко-биографический очерк в связи с новыми материалами). – Праг, 1922. – 84 с.
Lyackij, E.A. Goncharov v krugosvetnom plavanii. (Istoriko-biograficheskij ocherk v svyazi s novymi materialami). – Prag, 1922. – 84 s.
11. Ляцкий, Е.А. Роман и жизнь. Развитие творческой личности И. А. Гончарова. Жизнь и быт. 1812 – 1857. – Прага: «Пламя», 1925. – 393 с.
Lyackij, E.A. Roman i zhizn'. Razvitie tvorcheskoj lichnosti I. A. Goncharova. Zhizn' i byt. 1812 – 1857. – Praga: «Plamya», 1925. – 393 s.
12. Мастер русского романа: И.А. Гончаров в литературной критике русского зарубежья: сб. документов и материалов. – Москва: Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М.И. Рудомино, 2012. – 496 с.
Master russkogo romana: I.A. Goncharov v literaturnoj kritike russkogo zarubezh'ya: sb. dokumentov i materialov. – Moskva: Vserossijskaya gosudarstvennaya biblioteka inostrannoj literatury im. M.I. Rudomino, 2012. – 496 s.
13. Поспишил, И., Зеленка, М. Вдохновляющая литературоведческая концепция Евгения Ляцкого. // Славяноведение. – 1998. – № 4. – С. 52–59.

- Pospishil, I., Zelenka, M. Vdohnovlyayushchaya literaturovedcheskaya koncepciya Evgeniya Lyackogo. // *Slavyanovedenie*. – 1998. – № 4. – S. 52–59.
14. Коптев, Н. Новое о Гончарове и Тургеневе // *Воля России*. – 1924. – № 18/19. – С. 241–247.
- Koptev, N. Noye o Goncharove i Turgeneve // *Volya Rossii*. – 1924. – № 18/19. – S. 241–247.
15. Сергиевский, И.В. Агония жанра. // *Литературный критик*. – 1933. – № 3. – С. 144.
- Sergievskij, I.V. Agoniya zhanra. // *Literaturnyj kritik*. – 1933. – № 3. – S. 144.
16. Черкасов, В.А. Державин и его современники глазами Ходасевича. – Белгород: Издательство Белгородского государственного университета, 2009. – 336 с.
- Cherkasov, V.A. Derzhavin i ego sovremenniki glazami Hodasevicha. – Belgorod: Izdatel'stvo Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, 2009. – 336 s.
17. Grodetskaya, A.G. A Reading of the Precipice in an Intimate Circle (Two Letters of I.A. Goncharov to E.A. Yazykova). // *Ruskaia Literatura*. – 2016. – № 4. – P. 108–113.
18. Cherkasov, V.A. Crisis of Biographical Methodology in Russian Science and Criticism of 1920-1930. // *World Applied Sciences Journal*. – 2013. – № 27(1). – P. 66–69.
19. Hay, Daisy. Adventures of Unromantic Biographer. // *Life Writing*. – 2017. – № 14 (2). – P. 247–256.
20. Mousley, Andy. Documents of Life Revisited: Narrative and Biographical Methodology for a 21st Century Humanism. // *Biography an Interdisciplinary Quarterly*. – 2014. – № 37(3). – P. 808–812.
21. Walter, James. The Solace of Doubt? Biographical Methodology after the Short Twentieth Century. // *Theoretical Discussions of Biography: Approaches from History, Microhistory, and Life Writing*. – 2014. – № 7. – С. 43–58.
22. Vancu, R. Biographism, confession, individuation. Poetry between psychocriticism and sociopoetics [Biografism, confesiune, individualitate. Poezia între psihocritica și sociopoetica]. // *Revista Transilvania*. – 2014. – № 3. – P. 54–58.